

АЛИК ГАСАНОВ

Потрясающая история

СБОРНИК РАССКАЗОВ № 6

Алик Гасанов

**Потрясающая история.
Сборник рассказов № 6**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Потрясающая история. Сборник рассказов № 6 / А. Гасанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839437-9

В данной серии сборников — вы найдёте короткие рассказы о жизни, про
жизнь и за жизнь. Не выдуманные истории, юмор, реализм.

ISBN 978-5-44-839437-9

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Самоволка	6
Татарки	8
Отец	10
Ангрибёрц	12
Земляки	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Потрясающая история Сборник рассказов № 6

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9437-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самоволка

Ох, и дров наломано... С возрастом мы становимся придирчивыми к своей памяти. Каждый наступивший день мы считаем кульминацией своего развития, совершенно справедливо отмечая, что буквально на днях мы были менее разумны и рассудительны.

...Девушка лет семнадцати в метро щебечет своей подружке, рассказывая очередной занимательный случай:

*– Помню, вляпалась я в историю один раз... Расскажу – не поверишь. Обхохочешься!.. Я тогда ещё молодая была... Да-да... Где-то **полгода назад**, наверное...*

...А с Андрюхой Борисенко мы как-то смылись в очередную самоволку.

На кой чёрт нас вечно тянуло в эти самоволки, ума не приложу?.. Предприятие это, скажу я вам, милые мои, во-первых, рискованное, потому как обычно заканчивались они неприятностью. А во-вторых, как говорится, овчинка совершенно не стоила выделки. На ночь глядя, когда все нормальные наши сослуживцы готовились ко сну, мы, считая себя в чём-то избранныками, баловнями судьбы, словно коты рвались в темень, искусно минуя посты и заборы, тряслись в сонных электричках, опасаясь патруля, проводя в дороге (чаще всего пеше, и через ночной лес!) по несколько часов!

А под утро, скача с высунутыми языками в обратном направлении, грязные, уставшие и продрогшие, мы возвращались в часть, и трепались на каждом углу под завистливые взгляды прыщавых своих сотоварищей о массе якобы оприходованных нами женщин и выпитого якобы при этом спиртного...

Улизнуть незамеченным, заручившись обещанием сержанта, который вас «отмажет» на проверке – это пол-дела, Танюш!.. Основной трудностью было не попасться в городе, а ещё труднее действительно не «нахрюкаться» до чёртиков и не испортить всё, что и случалось обычно неминуемо.

Сколько я видел уже таких вот... Самовольщиков, ядрёный батон!.. Вечером он, выбрившись до-сини, наодеколоненный, неотразимый и брутальный, насвистывает перед зеркалом ламбаду, предвкушая все прелести пикантных свиданий, а уже по утру его выводят под конвоем перед строем, жалкого и страдающего от похмелья, грязного, без пилотки и ремня (потерял!), и старшина сурово читает солдатам лекцию на тему «До чего же можно докатиться!..», и бедолага получает свои «пять суток», и уводят его в «шизо», как на заклятие, под немые и восторженные взгляды сослуживцев.

Сколько дров наломано... Сколько пилоток потеряно...

...Поездка в электричке – самая опасная часть предприятия.

Это я говорю вам на будущее. Имейте ввиду, если что. Не мудрено, если вы солдат-срочник, эдакий девятнадцатилетний дуралей, ослеплённый жаждой приключений, и одетый в чей-то плащ поверх формы, привлечь к себе нездоровое внимание ментов, а ещё хуже – войскового патруля. Представьте себя: пьяного, в кирзовых сапогах и болоневой куртке с надписью «Ну, погоди!», и вам тут же сразу станет ясно, что это и действительно не мудрено...

...Езды от Москвы до Коломенского Голутвина больше часа. Ночью холодно. Злые и голодные, мы тревожно дремлем на ледяных лавочках, ревниво поглядывая в проходы, когда в полупустую электричку шумно входят около тридцати женщин. Потрясающий колорит... Молодухи и старухи, рыжие, седые, конопатые и напудренные, не покрашенные, и с наклеенными ресницами, молчащие и хохочущие... Любого сорта, короче. Ткачихи со смены. С фабрики. Ехать им далеко. Так «ездиют» они каждый день и, с чисто женской предприимчивостью, каждая тут же обустраивается, как может. Некоторые принимаются читать, кто-то пытается уснуть. Но есть и пара дружных кампаний, садящихся шумным кружком, вытаскивающих тер-

мосы, баночки с едой, организовывающих «дастарханчик». Вон даже бутылку водки одна пышная дама выудила из косметички под одобрителный гул подружек.

... – Ну, ты, Галя, никогда не пропустишь случая!, – смеётся её соседка напротив, хищно тасуя колоду карт.

– А ты чего думала?..., – полная и большая Галя в компании у них заводила, не иначе. Говорит громко и для всех сразу, – Я женщина свободная и скучать мне нечего!..

Все смеются незамысловатым бабьим шуткам, каждая старается тут же ответить, колко, с подковыркой, но беззлобно, так..., словно частушки поют.

Мы с Андрюхой усмехались украдкой, слушая женскую болтовню, не забывая про проходы, а женщины через десять минут разошлись ни на шутку. Кто-то уличил кого-то в картёжном жульничестве и бурные визгливые разборательства сменило шумное примирение и все опять налили и чокнулись «за мир», и отложили игру вод всеобщее согласие «да ну их на фиг!». Тут же, выпив, словно по сигналу, как-то затихли, стали кутаться, пытаюсь согреться, удобнее притуляясь друг к дружке. Ещё далеко им ехать-то... Успеют доиграть.

...Тут пышная Галя встала, показав прекрасный рост и, сладко потянув мощный торс и гигантскую грудь, раскинула полные руки в стороны, потягиваясь по-кошачьи и зевая:

– Ой, девчонки!... Мужика бы щас!..., – мечтательно вздохнула огромная красавица и через плечо увидела нас с Андрюхой...

...Тот момент я вспоминал потом долгие годы с недоумением.

Колоссальных размеров женщина, подвыпившая и воинственно настроенная, она остановила на нас взгляд, оценивая наши преимущества на правах потенциального победителя. Мы с другом замерли, невольно поджав ноги, и претворились чьими-то сумками. Бог его знает, чего от неё ожидать!.. Захмелевший скучающий атаман в окружении верных своих дружков, не отводя взгляда цыкнул зубом, словно сытый кот над дохлой мышью, и в его глазах я, подсматривая сквозь фальшивый прищур «спящего», увидел искорку плотоядного интереса. Совершенно не смешная ситуация, уверяю вас!.. Мы – два костлявых беспомощных юнца, волею рокового случая оказавшиеся в злчном месте, боясь пискнуть, чтобы ни выдать своего присутствия, проехали свою остановку не шелохнувшись, а потом молча «проснулись», и во всеобщем молчании осто-о-оруженько прошли мимо компании к выходу, аккуратно перешагивая сумки, чтобы не дай Бог не коснуться чьих-либо вещей. Возле спасительного выхода в спину нам ещё раз цыкнули, и это послужило нам стартовым выстрелом, и мы ускорили шаг, выбегая на перрон, облегчённо вдыхая свежий воздух спасительного перрона. Повторяю, совершенно не смешная ситуация, граждане!.. Теперь я совершенно отчётливо понимаю ужас пекинеса, которого проводят на поводке мимо клетки с тигром.

...Нервно хихикнув, как только электричка отъехала, мы с Андрюхой пошли через лес, невольно пытаюсь взяться за руки в темноте, и, не сговариваясь, о данном инциденте потом деликатно помалкивали...

А вы говорите!..

Татарки

*...Сохраню образ честного мужа прилежно.
Хоть криви, хоть выравнивай, вывод знаком; Дефицит
бесерменского бисера нежного
Не востребован русским скупым мужиком.*

*Губы вишнею солнцем горячею спелую.
Под косыночкой тугим караваем коса.
Взгляд смешливый пуглив кобылицею смелою,
И польню степной польнёю глаза.
Как же родинка эта на щёчке мне нравится!
Так татарской изюминкой сдобрена Русь.*

*А для ножки – сто тысяч московских красавиц
Не сгодятся в подмётки, я жизнью клянусь. Лишь смотреть
на тебя и вздыхать, только каяться.*

*Не посмею коснуться, любви не тая.
Почему не моя ты, моя раскрасавица?
Почему не моя ты, моя Румия?..*

...Эти стихи были написаны мною давно, ещё когда я был всего лишь великим поэтом современности.

Создатель одарил меня великим даром видеть красоту Женщины. И о женщинах можно писать бесконечно. Каждая из вас достойна кисти художника и пера литератора. Сравнить, оценивать женщин – дело бесполезное и неблагодарное, я считаю. Только созерцать и наслаждаться видимым. Да и вообще, что такое – женская красота? Есть откровенные толстушки, от которых глаз невозможно оторвать. А бывает хрупкая тростиночка, которую хочется бережно поднять на руки и укрыть от ветра и дождя. Какие могут быть стандарты или каноны? Сколько женщин, столько и стандартов. Если, конечно, это – Женщина.

Татарки – тема обширная и тонкая.

«У кого жена татарка, тому бесплатно талоны на молоко нужно давать!», – ржали мужики в курилке, а я, в свои 17 лет, не понимал, что это значит.

Да. Если в разговоре кто-то рассказывает о татарской женщине, он обязательно многозначительно подметит – «татарка!», и это все сразу смекнут. Мол, «а-а-а... понятно...» Соглашесь, глупо звучать будет, если я расскажу вам о какой-нибудь татарке, и не предупрежу вас об этом. Татарка – это статус. Мать. Разумное предупреждение. Осторожней! Это вам ни хухры-мухры...

Да-да, вы абсолютно правы – женщины каждой нации своеобразны и интересны по-своему, и мне, специалисту со стажем, весьма лестно ваше внимание в этом вопросе.

Да, национальная принадлежность придаёт красавице определённый шарм и обязывает к своеобразной, только этой нации присущей стержовности.

Есть, конечно, исключительные случаи, где дамы попирают условность, со свойственной женщине тяге к непокорности, нарушают установленный порядок. Я, например, недавно видел чеченку в шортах. Это неправдоподобно звучит, но поверьте уж мне на слово.

Так и татарки. Кто они? Итак, татарки.

...Ареал обитания татарских женщин очень обширен, хотя и это ими не афишируется.

Очень похоже на домашних кошек. Вы будете потрясены, к примеру, если узнаете сколько в вашем многоквартирном доме кошек. Не имея и малейшего понятия, вы спокойно проживаете в своём подъезде, даже не подозревая, что буквально в каждой квартире есть кошка.

Так и татарские женщины. Они никогда не заявляют о своём присутствии без надобности, вместе с тем полностью владея территорией в своём распоряжении. Они ведут хозяйство, воспитывают детей, ходят друг к другу в гости, а вы этого даже не замечаете. Именно татарки ведут себя так. И если вы наивно полагаете, что у вас живёт кошка, вы глубоко заблуждаетесь. Это она позволяет вам жить рядом с ней. Так и татарки.

Татарских женщин выгодно отличает завидное упрямство.

Моя супруга, например, совершенно непонятным для меня образом в короткий срок поставила у нас в семье всё так, что у меня и мысли не возникнет что-то предпринять, не согласовав с нею. Прочно встав на позицию «мы», она совершенно спокойно принимает все решения самостоятельно, называя это «мы решили, мы так хотели», и мне остаётся только признать свершившийся факт, хотя в большинстве случаев я даже не подозреваю, что принимаю участие в согласованиях.

... – А мы решили Новый год отмечать дома, тихо, по-семейному, – щебечет она по телефону очередным знакомым, которые намекали на совместное застолье, и я чуть поднимаю брови, и не успеваю сказать «э-э», как мне затыкают рот точёным мизинчиком, и строго шепчут «да! Мы так решили!», и моё «э-э» само собой растворяется где-то у неё в рыжих кудрях за левым ушком...

Примерно так всё и происходит. Она просто не даёт мне шансов протестовать по всем правилам.

Изнурённый работой, я скорбно влачу свои мощи вечером домой, с трудом попадая дрожащим ключом в замочную скважину, как передо мною открывается дверь, и жена в пеньюаре и серьгах звонко целует меня, опьяняя ароматом груди:

– Хороший мой! Давай сумку!

И я, словно под гипнозом, получаю в руки пакет с мусором, список, и строгое указание:

– Только по списку покупай. Пива выпьешь – я тебя урою.

И я бодро шагаю назад, выбрасываю мусор, и шурую в магазин, еле сдерживая смех, потому что понимаю, что я олух царя небесного. И через пять минут жена, вооружённая пылесосом, строго проверяет, не нарушил ли я её список, нюхает, насчёт пива, звонко целует, и выгоняет на кухню, что бы я не мешал «... пятнадцать минут! Пока я не допылесосу... пылесошу... Тфу, блин!.. Короче, пока не позову!»... И я разбираю пакеты, усмехаясь, а перед глазами её плечико с упавшей бретелькой...

Такие вот татарки.

Она просто бежит впереди меня, периодически дёргая за поводок, чтобы я не отставал, а всем треплется на каждом углу, что я её хозяин!

Отец

Мне ещё не было семи лет, когда с отцом мы ушли куда-то «по делам». Прогулки с отцом «по делам» – это ни то, что с мамой. С мамой всё понятно, ещё дома, шнурюя мне ботинки, мама подробно объясняла, куда мы идём и что нам предстоит:

– К тётке Зое кофту занесём, рукава надо подбить, сметану надо взять на оливье, вечером гости придут, твои анализы заберём...

Мама всё время тихо щебечет, а я смотрю, как она быстро и бесшумно скачет по квартире, смешно пугаясь сущим пустякам. Например, она неожиданно замирает с туфлей в руке и открытым ртом: «Ох... И хлеб же нужен! Вот я тетеря...» А на лице такой ужас, будто Гитлер вошёл.

С отцом всегда интереснее, потому что всегда неожиданно. Мы выходим из подъезда и он кричит кому-то:

– Лёха! Здоров! Ты в гараж?

И мы здороваемся с дядей Лёшей и я первый раз в жизни еду в кабине грузовика (!!!) с отцом и дядей Лёшей и отец с дядей Лёшей делово обсуждают какой-то «долбанный карбюратор».

Потом у меня замирает сердце, потому что мы въезжаем в тёмный огромный гараж и отец убегает в темноту включить свет и я слышу эхо его шагов и щёлканье выключателей.

Потом я таращу глаза, потому что отец неожиданно появляется переодетый в грязную спецовку и целый час лежит на спине под автобусом, а я с руками в карманах прохаживаюсь по гаражу, и пахнет бензином, а вокруг стучат, говорят из тёмных углов, кто-то ругает мать какого-то Петровича, а незнакомые дядьки спокойно здороваются со мной за руку, причём обычно дают пожать запястье, потому что ладони и даже лица у всех вымазаны чем-то серым и блестящим. Хотя и запястья по локоть у них тоже грязные.

С отцом всегда всё неожиданно. Вот он выползает на свет божий, грязный как чёрт, особенно лицо:

– Ну всё, Гасанов, хорош, (меня с детства так называют в семье, даже мама), пошли обедать! (и шёпотом, быстро наклонившись ко мне) Ты писать не хочешь?

...Я, твёрдо уверенный, что мы поедем домой, жду отца возле душа. Мимо меня спокойно проходит толстый и розовый голый дядька с полотенцем на бёдрах, бормоча под нос: «... а любовь как сон стороной прайшла...» Потом мы поднимаемся на четвёртый этаж здания в столовую! Тут так шумно и много народу, что я сначала опешиваю. Отец подсаживает меня к кому-то за столик и убегает в толпу (он всё время бегаёт). А я сижу с тремя огромными мужиками, которые чавкают и сёрбают, и отвечаю на ихние вопросы; сколько мне лет и когда мне в школу, и каждый говорит, что я молодец.

Потом я ем кислый борщ. Нет, это совсем ни мамин. Но ничего, вкусно. Да ещё из железной тарелки! А ложка вроде железная, а лёгкая... А под конец я получаю полстакана сметаны. Первый раз вижу сметану в гранёном стакане.

...Мы с отцом уже сходили к дяде с диковинным именем «Моторист» в самый дальний угол огромного здания и собирались выходить за ворота, когда отец вдруг замер на месте, грубо остановив меня всей огромной пятернёй в грудь. Я недоуменно посмотрел на отца. Щурясь, словно от мозоли, отец несколько раз цокнул языком с сожалением и, развернув меня на 180 градусов, сказал неожиданно строго: «Стой так! Я сейчас.» И побежал в сторону. Я послушно встал, косясь на отца, который уже возвращался обратно бегом с большим кирпичом в руках. Удивлённый, я повернулся и посмотрел, что он там увидел.

...В нескольких метрах вдоль бордюра по направлению к нам на передних лапках полз котёнок. Задняя его часть, видимо раздавленная машиной, волочилась кровавой тряпкой,

собирая песок на длинные лоскуты мокрых кишок. Беззвучно и судорожно раскрывая рот, огромными от ужаса и боли глазами котёнок смотрел на меня, когда отец подбежал к нему, и с силой прибил к земле огромным камнем, полностью накрыв...

...Я долго не мог простить отца и не любил его после этого.

Лишь спустя много лет я всё понял.

Ангрибёрц

Всё чаще возвращаюсь за полночь домой...

Хлеб больше по привычке покупаю.

Усталость молча тащится за мной.

Не раскрывая рта, перед витринами, зеваю.

Мой Бог, опять стихи я сочиняю...

Эта проклятая склонность уже не раздражает, но заставляет вздыхать всё время... Главное – не декламировать вслух. Людей это пугает. Девушке-кассиру на невинный вопрос: «Вам пакет нужен?», в прошлый раз я ответил неожиданно: «Нет-нет, красавица... Нет-нет... Совсем не нужен мне пакет...» Неприязненно подняла брови, подумала, что пьяный, наверное. В магазине звенящая тишина. Ох уж эта мне «звенящая» тишина... В каждом рассказе моём она непременно... До закрытия минуты три. Пусто. Холодильники гудят сонно. Возле кассы четверо столпились. Три парня, девушка с ребёнком. По уровню громкости понимаю – наши. Я их называю «ребята нашего двора». Помните, Расторгуев поёт? Вот-вот... Это они. Недавно был случайным свидетелем разговора такой компании. Возле лавочки собралось человек десять. Как они собираются в таких количествах? Мне, чтобы десять человек собрать, надо полчаса обзванивать, уговаривать, и то, если троих-четверых уболтаю немедленно приехать, то хорошо. А тут – с утра до вечера такой коллектив собирается запросто... Сажу в десяти метрах, ветошью прикидываюсь, слушаю, что же объединяет сие сообщество? Буквально слышу:

...Двое сидят на лавочке, трое стоят по краям, двое сидят «на кортах», один чуть поодаль по телефону беседует так, что слышно и соседнему двору. Один, тот что на лавочке, десять минут уже доказывает тому, что «на кортах»:

– Ты вообще не помнишь, Дэн! Ваще! Люська подошла с Максом, когда Колян уже был!.. А потом Натаха пришла! Ты чё гонишь?!..

Тот, что на кортах, разводит ладони в стороны, словно показывает размер шуки, и перекрикивает:

– Не гони, Вэл! Натаха пришла, когда Ксюха Люське звонила!.. А Макс уже был здесь!.. Ты чё, забыл?

Вэл, задыхаясь от непонимания, вскакивает, подбегая, словно хочет пробить пенальти:

– Ты чё пургу гонишь, Дэн! Натаха пришла потом! Макс уже с Люськой подошли, а Натаха ещё Ксюхе говорит: «Чё-то Люськи нет с Максом!», а потом смотрит – Макс стоит, и Макс еще говорит Люське: «Ты чё, овца, меня в упор не видишь уже?...»..

– Да ни гони, Вэл!, – вскакивает Дэн, но Вэл его хватает нежно за плечи и перекрикивает, крича в лицо:

– Ты вспомни, Дэн! Чё ты гонишь?! Люська ещё такая говорит: " Чё-то Макса нету!» А Натаха...

– Ты гонишь, Вэл! Натаха...

– ... А Натаха говорит...

– ... Не гони, Вэл! Натаха...

– ... А Натаха ещё даже не подошла!. Дэн!.. Ты чё?..

...Это продолжается ещё минут сорок. Я неприязненно замечаю вдруг, что всё это время, я, не моргая, сосредоточенно смотрю под ноги, сидя на лавочке, и в голове дьявольской каруселью играет; «Ха-ра-шо! Всё будет хорошо! Всё будет хорошо, я это знаю – знаю...»

Счастливые люди...

...В магазине тишина. До закрытия минуты три. Пусто. Холодильники гудят сонно. Возле кассы четверо. Три парня, девушка с ребёнком. По уровню громкости понимаю – наши. Возле таких парней обычно именно такие девушки бывают... Четыре баклажки дешевого пива. Каж-

дая по 2,5 литра. Оживление такое, словно квартиру покупают. Ни намёка на «закусь». Ребёнок, сонная девочка лет четырёх, тихонько кланчит, ковыряя грязным пальчиком витрину:

– Ангрибё-орц хочу... Мама, я ангрибё-орц хочу...

Мама мечется среди парней, успевая ответить деловым шепотом каждому:

– Да, сейчас Ксюха звонила, говорит, потом разведёт, ей тоже надо... Угу, да. Потом разведёт... Отвечаю!..

Кассирша, поджав губы, пересчитывает мелочь – всё копейка в копейку. Выдаёт чек.

Проходя на выход с драгоценной ношей, девушка слышит, наконец, ребёнка, одёргивает дочь за руку:

– Настя! Пошли! Я же говорю: «Мама денежку не взяла на «ангрибёрц»! Пошли уже!. Доча!.. Ну, чего ты?.. Не тормози!..

Компания вальяжно выходит, закуривая всем коллективом прямо перед дверью.

Мы с кассиршей понимающе переглядываемся...

«Ха-ра-шо!.. Всё будет ха-ра-шо!..»...

Земляки

...Утром прохладно, хорошо.

Лес, проснувшись, закипает неспешно, солнышко поднимается из-за сосен, ласково выглядывает сквозь пушистые кроны.

Серёгина смена ещё почти час, и смена.

Возле палаток сыро. Ноги мокрые. Сменят скоро, отоспится с утра до обеда, если конечно опять командир не даст команду «выдвигаться».

Разговаривать «не положено», а как тут не поговорить?

– Чё, сильно зацепило?, – Серёга понимающе хмурится, глядя как Витёк мучительно морщится, разминая обмотанную прелым тряпьем шею.

– Да не... Так себе..., – тянет тот неопределённо, медленно поднимая плечо, осторожно поворачивая руку.

Серёге Витка жалко. Ещё бы! Ночь сырая, прохладная. Спать Витьку пришлось прямо в яме, на груде тряпок. Еле сдерживая дрожь, он трясётся по-собачьи, тяжело дышит носом.

Серёга оглядывается, рядом никого. Подходит к краю:

– Давно ты тут?

Тот молчит, мелко и горестно кивая. Боль в плече отдаёт в спину, ломает поясницу. Силась хоть как-то согреться, он дышит на руки.

Серёга садится на край:

– Покажи, чё у тебя там?

Витёк смотрит исподлобья недобро, бурчит, сопя, отворачиваясь:

– Прилипла, не видишь?

Но Серёга опять пристаёт. Закинув автомат за спину, спускается, аккуратно и брезгливо тянет руку:

– Не бойся. Дай ка... Нук-нук!..., – слегка оттянув коричневую от крови тряпку, он заглядывает внутрь, успокаивая парня, как ребёнка, – Тих-тих-тих... Нук... Я потихоньку...

Витёк морщится, мучительно отворачивается, подставляя шею, шепча мучительно:

– Тиш-ты!... Ы-ымм... М-м-м...

Заглянув под прелое месиво повязки, Серёга тихо цокает языком, легко присвистнув:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.